только для девчонок
Ключик к мечте
Екатерина Неволина

Екатерина Александровна Неволина

Ключик к мечте

Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621405
Ключик к мечте: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-45833-2

Аннотация

Ненавижу свое имя – Эльвира. Оно длинное, слащавое и абсолютно мне не подходит. Я называю себя Эль. Я ненавижу ложь. Ненавижу лицемерие. Не хочу жить так, как родители и старшая сестра, ведь они постоянно притворяются и врут. А еще у меня есть тайна. Мне нравится Макс – парень, в которого влюблена моя идеальная сестрица Мила. Но он будет со мной. Я добьюсь. Я сильная и умею бороться… Пусть другие считают меня неудачницей. Мы еще посмотрим, кто кого!

Содержание

Глава 1 4
Эль 4
Мила 14
Глава 2 18
Эль 18
Мила 25
Глава 3 30
Эль 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Екатерина Неволина
Ключик к мечте

Глава 1
Краткий экскурс в мир моды

Эль

Есть люди, просто повернутые на тряпках. Например, моя сестра. Она на четыре с половиной года старше и уже учится в университете, но не пытайтесь говорить с ней нормально. Иногда ее просто невозможно понять. Она так и сыпет разными словами: тренчкот[1], деним[2] и тому подобная фигня. От ее наставлений («Джинсы должны быть узкими, силуэт – четким, а каблук – высоким») раскалывается голова. Но веселее всего слушать, как она с томно-небрежным видом, словно бойфрендов, перечисляет имена ведущих дизайнеров и марки модных домов («Обожаю Луи Вюиттона!»,

[1] Trench coat – «траншейное пальто» (англ.) – модель двубортного плаща с погонами, отложным воротником, манжетами, кокеткой, поясом и разрезом сзади.

[2] Denim (франц.) – плотная, прочная хлопчатобумажная материя, название классической джинсовой ткани, а также направление модной индустрии, связанное с джинсовой одеждой.

«Александр Маккуин – такой лапочка!»), а затем мы вместе идем куда-нибудь в H&M[3]. Неслабый контраст, согласитесь. Хотя лично меня H&M вполне устраивает. Да я и не тряпичница. Что мне надо? Нормальные джинсы – не те, которые так обтягивают задницу, что, садясь, каждый раз беспокоишься, выдержат ли штаны это испытание или обогатятся непредусмотренным дизайнером разрезом для вентиляции в самом неподходящем месте. Пара футболок. Ну ладно, штуки три-четыре, на смену. Одна с длинным рукавом, остальные с коротким. Но, знаете, только без этих дебильных Hello Kitty, радужных божьих коровок и крылатых сердечек. Лучше всего одноцветные или в полоску. Кроссовки – одна пара, но чтобы удобные. Мои старые подойдут идеально, хотя драгоценная сестрица при виде их морщит свой курносый и веснушчатый (да-да! Именно веснушчатый, что бы она ни думала по этому поводу!) носик. Затем ветровка, теплая куртка ну и какой-нибудь сарафан и сандалии на лето. И удобно, и без выпендрежа.

«Эльвира, ну как ты можешь?!» – говорит моя драгоценная сестра, хлопая длинными густыми, будто у коровы, ресницами.

Вот так и могу! И по-другому – тоже. Я вообще по-всякому могу.

Кстати, меня зовут Эль. Вообще-то Эльвира, но я тер-

[3] Сеть магазинов, предлагающих широкий ассортимент одежды и аксессуаров по невысокой цене.

петь не могу это имя. Мама почти не поддается дрессировке, поэтому дома меня обожают называть Эльвирой, Элей или Элечкой. А вот в школе с этим порядок. Сомучеников я быстро приучила, и они обращаются ко мне только Эль. Учителя – чаще всего по фамилии. Фамилия у меня нормальная – Зимина. Простая и четкая, это не какая-нибудь Пеночкина или Наливайко.

Но вернемся к моей сестре. У нее и самой имечко не намного лучше моего – Эмилия! Закачаешься! Эмилия и Эльвира – две сестрички-птички. Между прочим, родителей, сделавших нам такой подарочек, зовут совершенно нормально – Мария и Игорь.

– Мама, ну скажи мне серьезно, зачем вы дали нам такие имена? – спрашивала я.

А она, мило смущаясь, отвечала:

– А что, разве не красиво?

Ну как с ней разговаривать?! Мама – безнадежный романтик и самый большой чудик в нашей семье. Эмилия (все зовут ее Милой, кроме, понятно, меня в тех случаях, когда я хочу ее подразнить) во многом пошла в нее, хотя у нее романтичность проявляется своеобразно.

Внешность сестра тоже унаследовала от мамы: огромные зеленые глазищи, опушенные мохнатыми ресницами, милое личико сердечком, густые каштановые волосы, к тому же немного вьющиеся, ну и фигура в порядке. Еще бы ей не быть в порядке, если по этому поводу у Милы тоже пунктик –

бесконечные диеты, массаж, тренажерный зал (хотя, постойте, тренажерный зал она, кажется, посещает не ради фигуры, а для того, чтобы покрасоваться перед мальчиками)…

Она ходит только на каблучках, носит коротюсенькие юбки и джинсы в облипочку, а вещей у нее столько, что они едва помещаются в шкаф. Шкаф у нас с ней один на двоих. Заглянув туда, можно увидеть странную картину: розовые, голубые, оптимистично-оранжевые, белые, покрытые стразиками тряпки заполняют все пространство, и только в самом углу, на последних трех вешалках, гордо висят пара черных футболок (одна без рисунка, другая – с черепом и терновником), пара джинсов и черный балахон с капюшоном. Мои вещи кажутся здесь незваными гостями, прибалдевшими от безумного блеска хозяев.

Ну да ладно, хватит пока об этом. Вы ведь наверняка уже догадались, что мы с сестрой похожи примерно как Дон Кихот и Санчо Панса. Увы, это заметно и внешне. Я пошла в отца. Не слишком высокая, крепкого телосложения (что проявляется в пяти-шести лишних килограммах), глаза у меня не заманчиво-зеленые, а обычные – карие, волосы какого-то невыразительного коричнево-пегого оттенка, к тому же очень жесткие и непослушные. У меня полно дурных привычек. В задумчивости я грызу ногти или наматываю волосы на палец, что, как хором восклицают мама и Мила, тоже сказывается на моей внешности самым губительным образом. Вот теперь картинка получилась законченной. Думаю,

описывать меня дальше нет необходимости, а то кто-нибудь особо чувствительный еще, не дай бог, в обморок рухнет.

Я сижу на уроке алгебры, как, впрочем, и на прочих уроках, одна. Совсем не потому, что никто не желает сидеть со мной, а потому, что так хочется *мне*. Я не собираюсь подлаживаться ни под кого. Честно сказать, наш класс – полный отстой. Парни – безмозглые дебилы, девицы в основном только и умеют глупо хихикать и неумело строить глазки, их хитрости шиты белыми нитками. Смешно наблюдать, как мои одноклассницы делают вид, будто не замечают парней, а сами крутят перед ними попами, разговаривают эдакими томно-загадочными голосами, пытаясь заинтересовать их. До чего же меня это бесит!

– Зимина, покажи мне, пожалуйста, тетрадку с домашним заданием, – доносится до меня голос нашей математички, которую все в школе ласково зовут Кровосоской или Пиявицей. И ведь не просто так, заметим, зовут, а имея серьезные основания.

Математика – не мой конек. В этом у нас сильна золотая девочка Милочка.

– Зимина, ты меня слышишь?! – теряет терпение Пиявица.

Разумеется, слышу. Но лучше бы мне на время оглохнуть. Потому что домашнего задания у меня нет. Я его просто не сделала. Можно было бы списать перед уроком, как благора-

зумная половина класса, да вот беда – я к этой половине не отношусь и в жизни не стану унижаться, умоляя дать списать домашку.

Я медленно встаю, чтобы оставить себе время на раздумье.

– Вам тетрадку с домашним заданием? – повторяю я, словно не расслышав.

– Да, именно так. – По хищному прищуру Пиявицы видно, что она давным-давно поняла, что я не подготовилась к уроку, и теперь блаженствует в предчувствии грядущей экзекуции.

Чеканя шаг, я подхожу к парте нашей отличницы Танечки Воробьевой, глядящей на меня расширившимися от испуга наивно-голубыми глазами, беру ее тетрадку и торжественно бухаю на стол Пиявице.

– Что это? – Похоже, наша Кровососка опешила. Даже зловеще-выжидательное выражение исчезло с лица, как во время сильного ливня тают следы на песке.

– Вы хотели увидеть тетрадку с домашним заданием. Вот она. В этой тетрадке оно есть. В моей – нет. Я его не сделала, – говорю я, глядя на математичку почти с ненавистью.

Та явно растеряна. Затем огромные щеки нездорово багровеют.

– Зимина! – рявкает она так, что в классе тоненько дребезжат стекла. – Хватит устраивать цирк! Ну-ка неси дневник!

Я заранее знала, чем все закончится. Честно сказать, не нужно быть великой предсказательницей, чтобы предвидеть финал. «Пара» в дневнике и очередное воззвание к родителям. Пламенное воззвание, правда, пропадет втуне. Моя милая мама так погружена в свою воображаемую книжную жизнь, что не утруждает себя просмотром моего дневника, папе до фонаря, а давать отчет Эмилии я тем более не собираюсь. А мне… «парой» больше, «парой» меньше – какая разница, все равно в конце четверти выведут ту же тройку – так зачем мучиться?!

– Ну ты, Эль, даешь! – подошел ко мне на перемене Сережка Ковалев.

К слову, он почти единственный, кто еще лезет ко мне общаться. Остальные уже давно перестали – кто опасается моего острого язычка, кто не желает снисходить до меня со своих королевских высот, как, к примеру, первая красавица класса Ксюша Пеночкина и ее закадычная подруга-подлиза Настенька Наливайко. Убойная, скажу вам, парочка!

– Что я даю? – устало переспросила я Ковалева.

Мне, по правде говоря, было совсем не весело, и больше всего на свете хотелось надвинуть массивные наушники плеера, отгородившись стеной от всего мира. И чтобы меня никто не трогал. Просто оставили в покое – разве я о многом прошу?..

– Прикольно ты сегодня Кровососку отшила. Она аж по-

багровела! – восхищался Ковалев, преданно заглядывая в глаза.

Мне не нужна его щенячья преданность. Мне вообще никто не нужен.

– Слушай, отвали, а? – попросила я по-хорошему. – Между прочим, математичка – пожилая женщина. А что, если бы у нее сердце сдало? Ты бы тоже пришел меня поздравлять, говоря «прикольно»?.. Ну что молчишь? Отвечай!

Ковалев под моим инквизиторским взглядом побледнел и попятился.

Приятно осознавать, что имеешь власть хоть над кем-то.

– Башкой надо думать, а потом поздравлять! – завершив свою речь, я достала из сумки наушники и пошла в раздевалку за курткой. Все. Мое терпение лопнуло, пора отсюда сваливать. В ушах громыхал «Rammstein», челка падала на глаза, словно чадра у восточной женщины, а на душе было мерзко.

Мои школьные будни – сплошной фарс, порой переходящий в драму. Наш класс – бассейн с пираньями. Робких и неуверенных обглодают в секунду – только хвостик и останется. Правда, съеденные не отправляются на заслуженный покой, а сидят в классе тихими тенями, шугаясь по каждому мало-мальски удобному поводу, или подлаживаются к сильным, носясь у них на побегушках. Меня отнести к робким нельзя, я умею выживать и давно уже научилась кусаться.

Пару лет назад в школе, думаю, был устроен конкурс под девизом «Приручи дикую Эль». Кто только не набивался мне в подруги! Но я-то прекрасно знала цену их усилий, уж мне-то с моей семейкой не чувствовать ложь и фальшь. На этом деле я, как сказали бы, наверное, корейцы, собаку съела или насобачилась. Куда мне школьное доморощенное коварство, когда моя семья – профессионалы!

– Элечка, я хочу быть тебе другом! – причитает мать.

На самом деле она хочет, чтобы ее оставили одну с ее любимыми романами и не мешали воображать себя прекрасной Золушкой на пороге встречи с Принцем.

– Эля, ты моя сестра, и я готова заботиться о тебе, – говорит Мила.

На самом деле она хочет быть Самой-Прекрасной-На-Свете, а еще, чтобы все вокруг было замечательно и гармонично и чтобы ничто ее не затрагивало.

Моя семья – скопище одиночек. Даже слово «семья» здесь скорее условно.

Когда я была еще маленькая, я ужасно завидовала тем из своих одноклассников, кого любят и ценят дома. Их счастье долетало крошечными искорками и смертельно обжигало.

«А мы с братаном вчера на футбол ходили! Он взял меня с собой!» – гордо говорил двоечник Назаров, и мне было до слез обидно, что Назарова любят, несмотря на то, что он двоечник, а меня, вопреки тому, что я такая хорошая (а в те годы я еще изо всех сил старалась быть хорошей), – нет.

Я завидовала своим одноклассникам, а потом научилась их ненавидеть. Ненавидеть проще, это не так больно. Ненависть одевает сердце в панцирь, а значит, она мне – друг.

На улице накрапывал мелкий противный дождь. Колючий. Будто с неба вместо воды сыпались иголочки. И я, надвинув на голову капюшон, шла по бульвару к дому. Мимо равнодушных прохожих, одна в толпе. Одна на всем свете.

Мила

Мы сидели в нашей любимой кофейне под названием «Ойкумена». Мы – это я, Наташка, Леся, Володя и Макс.

Тихо позвякивала ложечка, опущенная в бокал с горячим шоколадом. В кофейне множество запахов: кофе, шоколада, свежей выпечки, но даже через них я улавливала тонкий аромат благородной древесины и пряностей – так пахнет туалетная вода Макса.

Мы сидели рядом. Его стул – почти вплотную к моему, и иногда совершенно случайно вдруг соприкасались коленями или руками. Это было так волнительно, что захватывало дух. Мягкий белоснежный свитер с высоким горлом красиво облегал его грудь и плечи, подчеркивал легкий золотистый загар, оставшийся с лета. Макс – один из немногих молодых людей, которые умеют выглядеть по-настоящему хорошо и элегантно. Причем без всякой примеси извращенной женственности. Макс очень мужественен, и в то же время видно, что он заботится о собственной внешности.

Макс рассказывал о своей летней поездке в Мексику, но при этом смотрел только на меня, словно мы были вдвоем за этим круглым столиком с керамической причудливо изогнутой вазой, в которой одиноко пламенел ярко-алый цветок мака.

– Это очень красивое место, мне хотелось бы вернуться

туда когда-нибудь, и не в одиночестве… – сказал Макс и легко, небрежно, положил ладонь на мои пальцы.

Тепло его руки пронзило меня до самого сердца. Раньше я и не думала, что бывает такое счастье, от которого на глаза вдруг сами собой наворачиваются слезы. Как хорошо, если бы мы действительно были вместе. На всю жизнь, до самой глубокой старости. Я готова поехать за Максом на край света, что уж говорить о какой-то Мексике!..

Скажете, размечталась. Тем более, говоря по-правде, мы с Максом не встречаемся, хотя отучились вместе целый год. Целый год неопределенности. Мы часто оказываемся в одной компании, ходим в кино и в кафе, гуляем по Москве и устраиваем пикники на природе. Но пока наши отношения ни разу не вышли за рамки банальной дружбы. Иногда мне кажется, что Макс готов предложить нечто более серьезное, но почему-то молчит…

– Скажи, вы с Максом собираетесь встречаться или нет? – на правах лучшей университетской подруги поинтересовалась как-то Наташка.

Я в ответ промямлила нечто неопределенное.

– Слушай, пора тебе брать дело в свои руки! – посоветовала подруга. – Так наш милый Макс еще, чего доброго, все пять лет определяться будет. И, кстати, не факт, что за это время его не уведет какая-нибудь бойкая девица. Знаешь поговорку: «В кругу друзей не щелкай клювом!»

Тогда я с негодованием отвергла Наташкино предложе-

ние, тем более что не люблю глупые пословицы, но потом частенько думала, не ошиблась ли…

– Ну все, пора. Завтра – тяжелый день, а мне еще на тренировку, – объявил Володя. Он ходит в спортивную секцию и немного похож на смешного плюшевого медведя. У него доброе лицо, но совершенно обычное, лишенное всякой изюминки, непривлекательное.

Макс на его фоне кажется чужеземным принцем – красивым, загадочным. Я никогда не смогла бы влюбиться в некрасивого. Мое эстетическое чувство препятствовало бы этому. А Макса можно любить как произведение искусства, как прекрасную картину или греческую статую…

– Да, собираемся, – вздохнул Макс, отпуская мою руку, – простите, девчонки, что заболтал вас.

Мы расплатились и пошли к метро. Не знаю, случайно ли так вышло, но я и Макс немного отстали от остальных. Мы шли плечом к плечу мимо темного зеркала пруда, мимо людей, которым не было до нас никакого дела, и мне казалось, будто мы – одни на всей Земле. Звуки и краски исчезли, а в мире остались только тепло, исходящее от Макса, только его внимательные глаза, только стук сердца в груди.

– Мила, – он снова взял меня за руку и заглянул в глаза.

Сердце ухнуло куда-то в желудок. Сейчас, сейчас он скажет то, чего я жду уже целый год!..

Губы Макса дрогнули…

– Эй, ребята, вы что, одни, что ли?! – возмутилась Леся,

втискиваясь между нами. – Хорош миловаться! Мы вас долго ждать будем?! Дождь все-таки, холодно!

Макс сморгнул, и мир снова ожил. Благоприятная минута потеряна. С неба действительно срывались мелкие колючие капли, а асфальт вокруг был уже разрисован веселым горошком: надо же, я и не заметила, что начался дождь.

– И точно! Идем, а то простудишься! – сказал Макс и, приобняв меня за плечи, повел к стеклянным дверям метрополитена.

Я не ощущала разочарования – мне слишком хорошо, чтобы сожалеть о чем-то. У нас еще будет время. Завтра, послезавтра, через неделю… Я чувствую, что Макс неравнодушен ко мне, и готова ждать сколько понадобится. Или… Ну конечно, мне все-таки нужно проявить инициативу, Наташка была права. Решение оказалось таким простым, что я облегченно вздохнула и пришла домой в превосходном настроении. Завтра же поговорю с Максом. Приглашу в кафе – на этот раз только я и он – и поговорю!

Глава 2
МАКСимальное сближение

Эль

Следующий день почти не отличался от предыдущего. Ну разве ни одной «пары» не словила. И то хорошо.

После школьной мучиловки я вернулась домой. Мамы еще не было, Милы тоже. Поэтому я бросила сумку на диван и сделала то, о чем мечтала с утра, – достала фотографию. На ней светловолосый парень сидит, откинувшись в кресле, и смотрит куда-то вдаль.

Это Макс – самая серьезная тайна, которая у меня есть.

Макс учится в одной с Милкой группе, изучает экономику. Сестра произносит его имя с придыханием и уморительно закатывает при этом глаза.

Есть две новости. Как всегда, одна хорошая, а другая – плохая. Первая – исходя из того, что сестрица от Макса без ума, он выпендрежник, и я презираю его, вторая – судя по всему, это – самый красивый парень на свете. В этом-то и засада.

Фото Макса я заполучила, прямо скажем, нелегально, а проще говоря – стырила у сестры. У нее много его фоток,

так что она даже не сразу заметила пропажу, а когда заметила, конечно, подняла кипеж: «Ой, никто не видел фотографию?» Разумеется, я не призналась и храню ее с тех пор у себя, в книге Желязны, куда сестрица ни за что не полезет.

Я помню, как увидела снимок впервые. Это случилось ровно год назад, пятнадцатого сентября. Правда, странно, что я запомнила эту дату?..

Память воссоздает тот день в мельчайших подробностях.

Вот я вернулась из школы, по дороге попав под дождь. Вся промокла, вода капает с волос на пол, словно я – только что вылезшая из пруда утопленница, в ботинках противно чавкает. Настроение – хуже некуда. Сбросив обувь, я вошла в комнату и вдруг застыла: с экрана Милкиного компа на меня смотрел парень. Чуть прищурившись, немного насмешливо. Он был совершенно необыкновенным. Словно из другой жизни – не из хмурых московских будней, к которым я привыкла, а из какого-то необычайно светлого и прекрасного мира.

Это мгновение решило все. Я влюбилась в Макса, увидев его фотографию. Влюбилась скоропостижно и смертельно.

– Ну как, симпатичный? – спросила сестра, обернувшаяся на звук моих шагов, и я заметила, что ее щеки порозовели от смущения.

Я сглотнула. Дышать вдруг стало больно.

– Так себе, – выдавила я сквозь зубы, словно выплевывая слова – одно за другим. И отвернулась.

Но самое прикольное в этой истории – то, что Мила так и не догадалась, какие чувства вызвал у меня Макс. Это осталось для нее тайной за семью печатями, поэтому даже когда у нее пропала распечатанная фотография, она ни на секунду не заподозрила меня.

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ О МАКСЕ, НО БОЯЛИСЬ (ИЛИ НЕ ЗНАЛИ, У КОГО) СПРОСИТЬ

Максу уже почти двадцать. Точнее, двадцать исполнится ровно через семнадцать дней. По гороскопу он Весы. У него светлые волосы и ярко-голубые глаза, тонкие губы и потрясающая улыбка, от которой на щеках образуются милые ямочки. Наверное, он знает об этом, и поэтому улыбается на всех фотках. Его изображений у нас в доме штук пятьдесят. Во-первых, пять – на общих фотографиях Милкиного курса. Во-вторых, случайные кадры со всяких университетских мероприятий. В-третьих, снимки, сделанные моей сестрой. Вот он в профиль, пишет что-то в тетради, слегка наклоняясь над ней. Вот – с приятелями. Кажется, они о чем-то спорят. Макс размахивает руками и улыбается, а глаза чуть лукаво прищурены. Вот в зимней куртке, слегка разрумянившийся от мороза, в руке – слепленный снежок, в глазах – азарт. Вот на пикнике, вот у озера…

На самом деле я немного знаю о нем.

Из тех обрывков телефонных разговоров моей сестры, которые мне удалось подслушать, мне известно, что он любит фэнтези и предпочитает те же книги, что и я. Эмилия их, кстати, терпеть не может и читает в основном «Космо», «Вог» и, как это ни смешно, всякую бню и скукотищу типа классики – не поверю, чтобы такое могло приносить удовольствие.

Недавно увидела у нее в руках Тургенева.

– Это для учебы? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – для себя.

– И как, не скучно?

– Мне нравится. – И снова уткнулась в книгу, только макушка торчит.

Может, Мила, конечно, думает, будто она – вся такая нежная и трепетная барышня, а я считаю, что лицемерка еще та.

И, наконец, самое главное, что я знаю о Максе: Мила ему не пара!

Я, кажется, уже упоминала, что мы с сестрой совершенно разные. Единственное, что у нас похоже – это голоса. Оттого и вышла одна история. Да и не история даже – так, короткий незначительный эпизод. Весьма забавный, если вдуматься.

В тот вечер Мила, как всегда, принимала ванну (полтора часа свободы от нее гарантировано), я сидела в комнате, читая «Хроники Амбера» Желязны. Замечательная, между прочим, книга, хотя ее герои и выпендриваются. Неважно. В общем, сижу читаю. Вдруг звонок на городской. Я что – беру

трубку: «Алле», а мне в ответ так настороженно: «Привет». Голос мальчишеский, вроде мне не знакомый, но я – девочка воспитанная и вежливая: раз со мной поздоровались – надо ответить. «И тебе привет», – говорю.

На том конце обрадовались:

– Хорошо, что ты дома. Мне с тобой поговорить нужно.

– Говори, – соглашаюсь я. Нужно так нужно, мне-то что.

– Это Макс, ты что, не узнала? – спрашивает мой собеседник, и в сознании начинает брезжить свет.

Это Макс?! Макс!.. Ноги внезапно сделались свинцовыми, а голова закружилась, как на бешено вращающейся карусели. Наверное, такое чувствует верующий, до которого вдруг снисходит его Бог, приглашая по-дружески посидеть за чашкой чая. Пока я зависала, словно глючный комп, Макс продолжал говорить, очевидно, все еще принимая меня за Милу.

– Я, в общем, извиниться хотел за свое поведение, – проговорил он, запнувшись.

Шестеренки в моей голове бешено закрутились. Теперь и речи не могло быть о том, чтобы признаться, что я – это не я, вернее, я, но совсем не та, о которой он думает. Как бы только узнать побольше, не сев при этом в лужу.

– А… – протянула я томным голосом (уж мне-то не знать, как Мила разговаривает по телефону). – Так ты об этом. Вообще-то тебе нет оправдания, но я послушаю, как ты объяснишь свой поступок.

Чтобы войти в роль, я отодвинула подальше книгу, положила ногу на ногу, поправила воображаемый локон и надула губки – капризно и вместе с тем кокетливо.

– Да ладно, все ты поняла. Ты не дура, хотя иногда любишь прикидываться, – отвечал Макс.

– Конечно, дура, – поспешно заявила я, – кому об этом судить, как не действительно умному.

В трубке замолчали, и я уже забеспокоилась, не перегнула ли палку, как вновь услышала голос:

– А у тебя прорезалось чувство юмора. Как факт.

– Ничто не берется из ниоткуда, – парировала я. – Наверняка оно было где-то там, в глубине, а вот как раз сегодня, между посещением Л'Этуаля и нового бутика молодежной моды на Тверской, я провела археологические раскопки и кое-что обнаружила…

Макс хихикнул.

– Вот видишь, я рассказала тебе все, как на исповеди. Теперь – твоя очередь.

– То есть?

– Ты, кажется, позвонил, чтобы отчитаться о своем поведении. Неужели ты действительно был плохим мальчиком?

– Просто ужасным! Но знаешь, ты иногда напускаешь на себя… А от Наташки я вообще устаю, ей бы поменьше этой… непосредственности. В общем, я как представил, что опять будем торчать нашей обычной компанией в кафе, вести все эти нагоняющие сон разговоры… в общем, решил за

благо слинять. Ты на меня не сердишься?

Так вот оно что! Макс продинамил мою драгоценную сестричку! Тем лучше.

– Нет, о чем речь?! – ответила я. Между прочим, абсолютно искренне.

– А ты молодец, – закончил свою мысль он, – я боялся, что ты меня не поймешь. И поговорить с тобой можно вполне нормально…

Я чуть не подскочила, но тут же взяла себя в руки.

– Макс… – сладеньким голосом пропела я.

И тут…

И тут грянул гром.

– Кто?! С кем ты разговариваешь? – послышался за моей спиной голос.

Уже понимая, что попала, я обернулась.

Мила стояла в дверях – в махровом розовом халатике с няшным барашком, волосы убраны в такое же розовое – привет, гламур! – полотенце, а на зеленом благодаря наложенной очищающей маске лице – поистине впечатляющее выражение. Думаю, режиссер фильма ужасов принял бы ее на главную роль без всякого кастинга!

Мила

Я сижу перед зеркалом и смотрю на свое отражение. В целом мне нравится мое лицо. Черты мелкие, правильные, особенно нос. Это меня радует. Ненавижу большие носы, иногда они ужасно уродуют лица.

Вокруг и так слишком много уродства. Спуститесь с утра в метро – и убедитесь. Полным-полно злых неопрятных теток (лучше умру, чем когда-нибудь стану такой) с неаккуратными прическами, волосатыми подмышками и злобно-кислым выражением, откровенно говорящим о недовольстве всем вокруг, неустроенности личной жизни и прочее, и прочее.

По-моему, быть красивым – это долг человека не только перед собой, но и перед окружающими. Раз появился на этот свет, изволь не уродовать его. Если бы я могла, я дала бы каждой тетке персонального стилиста. И уверена, стань они ухоженными и привлекательными, изменилось бы и выражение лиц. Вместо того чтобы орать: «Меня никто не любит!» – сделайте хоть шаг, чтобы заслужить чью-то любовь.

Нужно начинать с малого. У меня есть крохотный секрет. Ничего особенного, но работает на сто процентов. Если вдруг одолеет дурное настроение, я начинаю ухаживать за собой: наливаю ванну, добавляю несколько капелек эфирного масла. Чаще всего это масло розы, иногда – грейпфрута,

иногда лаванды. Здесь важно не переборщить, иначе кожа получит раздражение и покраснеет. Иногда я не могу удержаться и беру с собой какой-нибудь журнал, хотя вода вредит глянцу, и странички, к которым прикасаются мои мокрые пальцы, некрасиво скукоживаются. Полежав, растираю тело жесткой мочалкой, уделяя особое внимание спине и ногам, затем вытираюсь мягким махровым полотенцем и начинаю втирать в кожу молочко. Пока кожа лица распарена, хорошо нанести питательную или очищающую маску, сделать для рук специальную ванночку, подправить пилочкой ногти, втереть в них питательный крем… Дел столько, что за ними начисто забываешь обо всех проблемах, а настроение мало-помалу улучшается.

Следить за собой – целое искусство. Здесь не бывает мелочей. Нет ничего важнее, чем с юных лет подобрать правильный крем, научиться одеваться модно и вместе с тем к лицу, с изюминкой и, конечно, найти свой собственный запах. Мой любимый – Angel от Thierry Mugler. Не самый последний хит сезона, однако в нем есть нечто загадочное и завораживающее. Свежие фруктовые и пряно-древесные нотки создают удивительный шлейф. Совсем чуть-чуть (тут опять же главное – не переборщить) за уши, на запястья и в область декольте – и я чувствую себя сказочной принцессой. Даже сам флакон, выполненный в форме голубой звезды, словно попал к нам из сказки. Вот и сейчас, не в силах устоять перед искушением, брызгаю капельку себе на запястье, встря-

хиваю и подношу к носу. В такие моменты начинаешь верить в волшебство…

Ну вот, настроение уже улучшилось. И даже отражение сестры, показательно сидящей ко мне спиной, с огромными наушниками, через которые все равно прорывается что-то тяжело-грохочущее, не способно его испортить.

У Эльвиры еще не прошел сложный период. Когда она была маленькой, то повторяла все за мной, а теперь всегда поступает наоборот. Одевается нарочито небрежно: широкие джинсы, обтрепанные куртки, растянутые бесформенные футболки и балахоны – это как раз по ней. Грубит мне, маме, папе и врубает такую музыку, что у меня закладывает уши. Смеется надо мной, смотрит с презрением. Иногда кажется, что она меня ненавидит. От нее всегда можно ожидать самых злых шуток. Вот, например, сегодня с Максом…

Мысль о Максе так взволновала меня, что пришлось взять расческу и тщательно причесать еще влажные после ванной волосы.

Я вспомнила, как увидела Макса впервые на консультации перед вступительными экзаменами в универ. Я сразу обратила на него внимание. Он был очень красив, а еще в нем чувствовалась эдакая породистость и элегантная небрежность. Увы, среди парней много таких, которые считают, что «настоящие мужики» не должны следить за собой. Они не пользуются дезодоратном и туалетной водой, носят ужасные обвисшие на попе джинсы и мятые, покрытые катышками фут-

болки. Однако заверю вас, что исходящий от них запах – отнюдь не аромат мужественности, а потрепанный вид и торчащие во все стороны волосы, из которых к тому же дождем сыплется перхоть, свидетельствуют лишь об обычной неряшливости – и только. Макс не такой.

Когда я после консультации вышла на улицу, он стоял и курил. Сигарета идет ему, делая похожим на персонажа какого-то черно-белого старого фильма. Когда я проходила мимо, Макс улыбнулся, и я ответила тем же. А на экзаменах он уже здоровался со мной, как со знакомой.

Мы попали в одну группу. Я видела, что он выделяет меня среди других девушек, охотно болтает обо всяких пустяках, мы часто в одной компании ходим в клуб или кафе «Ойкумена», но он никогда не сделал ни одного шага мне навстречу – только взгляды, полунамеки, как вчера. Целый курс мы проучились рядом, далекие друг от друга. Иногда мне кажется, что он боится меня.

Я никак не могу поверить в то, что случилось сегодня!

Так, я опять разволновалась. Пора взять себя в руки. Легкий массаж висков, несколько упражнений для шеи (голову вправо, влево, наклонить, запрокинуть), глубокий вздох, выдох… можно продолжать.

Вчера, после того вечера в кафе, я твердо решила, что пора поговорить. Это очень страшно, я и так в присутствии Макса начинаю вести себя по-дурацки: то ни к месту хихикаю, то впадаю в ступор. Так вот, разогревшись от обманчи-

во теплого обхождения, я решилась. Подошла к нему сегодня и сказала, что жду его в «Ойкумене». Испугавшись, что он откажется, сразу ушла и отключила телефон.

Я так волновалась, что ничего не ела с самого завтрака.

На улице шел дождь, противный сентябрьский дождь, и желтые листья плавали в лужах, словно забытые, никому не нужные кораблики, которым никогда не войти в порт назначения. Как назло, я забыла зонтик, поэтому промокла и промочила туфли. Пришлось приводить себя в туалете в порядок: судорожно подправлять макияж, протирать туфли и чистить колготки, на которых, несмотря на то что я стараюсь ходить аккуратно, все же остались грязные брызги.

Я ждала Макса, сидя за столиком, на котором остывал кофе, но он так и не пришел.

Хорошо, что тушь у меня дорогая – не размазывается.

И вечером… Зачем Эльвира говорила с ним? Зачем выдавала себя за меня? Конечно, мне назло. Хотела подразнить.

Она называет себя Эль. В этом имени есть что-то неприятное, острое, как булавочный укол.

Глава 3
Искусство случайностей

Эль

На следующий день я специально пришла из школы пораньше, сбежав с двух последних уроков. К тому времени у меня уже появилось нечто вроде плана. Но для этого требовалось немного изменить себя.

Эмилия все еще в институте, мама «чистила перышки» в своем салоне. Это у нее на целый день: тренажерный зал, бассейн, затем косметолог, массаж, обертывания… Отец, как всегда, на работе – он вообще живет скорее там, чем здесь. В общем, полный порядок и никаких ненужных свидетелей.

Открыв шкаф, я уставилась в его переливающееся разными тканями и фактурами нутро. Увы, в сорок второй размер мне, с моим полноценным сорок шестым, не влезть никогда, поэтому все вещички сестры почти бесполезны. Но и тут можно кое-что придумать. Я взяла простой черный топ и розовую кружевную юбку. Юбка, как и ожидалось, оказалась маловата. Пришлось распороть некоторые из составляющих ее клиньев и вшить между ними куски черного бархата и ла-

текса, кстати обнаружившиеся среди всяких полезных тряпок в коллекции моей мамы. Этот латекс и бархат она покупала два года назад – чтобы сделать мне маску на один из новогодних карнавалов. Кстати, так и не сшила. С рукоделием, если честно, в семье не очень. Только маме еще иногда кажется, что она вдруг возьмет и сотворит нечто прекрасное.

Я трезво оценивала свои возможности, но особо не парилась. Фигня вопрос – стоит только по-настоящему захотеть! Провозившись час и исколов пальцы иголкой, я пришила клинья на живую нитку, не слишком аккуратно, но это и не бросалось в глаза. Померив то, что получилось, осталась довольна. Во мне есть талант дизайнера. Я представила себя известным кутюрье на показе мод. Особенно ярко передо мной возник образ сидящей в зале сестры, с жадным любопытством и завистью наблюдающей за происходящим на сцене. «Так-то, дрогуша!» – сказала я и расхохоталась.

Вытащив мамину косметику (с Милы хватит и юбки – представляю, какой скандал поднимется, когда она узнает, но да ладно, не это сейчас важно), я подкрасила глаза и губы. Помада, правда, никак не желала ложиться ровно, в результате чего рот все время казался перекошенным в какую-нибудь сторону. Поборовшись с ней добрых полчаса, я поняла, что этот бой, увы, проигран, и времени почти не остается. Пришлось взять салфетку и стереть получившееся безобразие, что удалось тоже с большим трудом, только с помощью Милкиного молочка для снятия макияжа. И как она краси-

ся каждый день?! Убедившись, какой это тяжкий труд, я даже стала испытывать к ней нечто вроде уважения. Я расчесала волосы, пощипала себя за щеки, чтобы кожа слегка порозовела и приняла более здоровый вид, и поняла, что пора выходить из дома.

Довершили мой наряд высокие мартинсы и потрепанная кожаная куртка типа косухи, в которой я обычно таскаюсь в школу. Получилось необычно и с такой милой сумасшедшинкой, мне даже к лицу.

Запихнув в сумку Желязны, я вышла из квартиры, закрыла дверь и поехала к Милкиному университету.

Несмотря на то что пришлось еще кое-куда заскочить, когда я прибыла на место, до конца занятий оставалось еще двадцать минут. Заняв удобную позицию в кустах, я запаслась терпением и принялась ждать. Кстати, я не говорила, что терпение – моя сильная сторона?

Вот, наконец, стали появляться студенты с Милкиного курса. Прошла группа парней, которые были на фотографиях вместе с Максом. А его все нет. И сестрицы тоже. Я уже стала волноваться, когда появились и они.

Он – в черной куртке и черных же джинсах, она – в экстравагантном белом плащике с прозрачными вставками. Надо признать, смотрелись они вместе неплохо и в целом составляли красивую пару. Но! Но я совершенно четко знала, что они не предназначены друг для друга. Ни разу!

Кровь быстрее запульсировала в жилах. Я наблюдала из

своей засады за тем, как они остановились неподалеку от крыльца. Он закурил. Даже не представляла, что парень может так потрясающе выглядеть с сигаретой! Когда курят мои одноклассники – кто с показным бахвальством, кто робко оглядываясь, не видят ли его учителя и знакомые, – смотреть на них противно. Но Макс курил именно так, как нужно – красиво и уверенно. Сразу становилось понятно, что он взрослый и вправе поступать, как хочет. Он никому ничего не доказывал, не старался казаться кем-то другим – смелее, раскованнее, старше. Он просто был собой, и это удивительно ему шло.

Я, конечно, не слышала, о чем они с Милой разговаривали, но поняла, что больше говорит она, словно доказывая что-то, а он лишь изредка вставляет несколько слов и снова затягивается, немного запрокидывая голову к небу.

Руку защекотало. Я поднесла ее к лицу и увидела, что по ней ползет божья коровка. Я отвлеклась всего на полминуты, сдувая ее, а, когда подняла глаза, Мила уже уходила. Одна! Она прошла совсем близко от меня, стуча каблучками. Надо знать ее так хорошо, как я, чтобы понять, что она убита! Раздавлена! Ее лицо не выражало ничего, но именно это неопровержимо свидетельствовало о том, как ей сейчас плохо.

А Макс, будто в задумчивости, стоял у крыльца.

«Мой выход», – решила я.

Достав из сумки книгу, я взяла ее в руку и задумчиво на-

правилась к зданию университета. Я не смотрела на Макса, но чувствовала, где он стоит.

Вот я уже у крыльца.

Еще шаг…

– Ой! – вскрикнула я, роняя на землю книгу. – Извините, пожалуйста!

Макс растерянно посмотрел на меня.

– Это я виноват, – он нагнулся, поднимая книгу. – О, «Девять принцев Амбера».

– Люблю фэнтези.

Я улыбнулась, на мгновение коснувшись его руки своей.

Мой голос вводил его в ступор, я видела это. Макс немного нахмурился, словно пытаясь сообразить, откуда он ему знаком.

– Погоди, ты, наверное, Макс?! – Я ужасно волновалась: сработает или нет. Он разглядывал меня, но я никак не могла понять, нравится ли ему то, что он видит.

– А ты… Должно быть, сестра Милы Зиминой… – ничего, быстро соображает. – И мы с тобой вчера разговаривали. Ты всегда ведешь разговоры вместо своей сестры?

– Нет, только по вторникам, – попыталась пошутить я, но тут же состроила серьезную мину. – Понимаешь, я сначала все пыталась понять, кто это мне звонит, ну а потом… потом было уже поздно!

Макс улыбнулся.

– А ты к сестре? – вдруг опомнился он. – Вы с ней немного

разминулись. Наверное, она уже в метро спустилась.

– Упс, опоздала, – вздохнула я. – Жаль, теперь билеты в кино пропадут… О! Может, составишь компанию? Это новый фэнтезийный блокбастер, тебе должно понравиться.

Макс оценивающе посмотрел на меня. Мне показалось, что он все обо мне понял.

– И ты всегда такая смелая? – спросил он, пиная носком ботинка попавший под ногу камешек.

– Нет. Только когда очень-очень надо.

– Ну хорошо, авантюристка. А зовут-то тебя как?

– Зови меня Эль, – ответила я, подмигивая.

ВСЕ, ЧЕГО ВЫ НЕ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ ОБО МНЕ

Сколько себя помню, у нас только и болтают о моей сестре. Ах-какая-она: умная, красивая, воспитанная, замечательная – нужное подчеркнуть. Эмилия для них как свет в окошке. К тому же у нее с десяти лет астма. «Слабое здоровье», как говорит мама, а это значит, что все подчинено заботам о Милином здоровье. Например, на каникулы мы едем не туда, куда хочется, скажем, мне, а в места с благоприятным климатом. Сырость, большие пыльные города и прочее – под строжайшим запретом. В этом году вместо Нью-Йорка, о котором я мечтаю уже давно, года два, опять отправились к морю. И так, заметим, каждое лето.

Раньше Мила была для меня кем-то вроде священного идола. А как же: старшая сестра! Когда мне едва исполнилось пять, к ней пришли подруги. Больше всего мне тогда хотелось, чтобы они приняли меня в свою компанию. Но кому интересно играть с малявкой?!

Когда мне было одиннадцать, сестра по-прежнему занималась только собой, но я, как распоследняя идиотка, еще верила ей. Однажды Мила обещала сходить со мной в кафе, но забыла. И тогда я вылила в окно ее любимые духи и написала на стене помадой, как я ее ненавижу. Угадайте, кому досталось?

Когда мне было тринадцать, я решила делать все ей назло и вела, честно говоря, себя очень глупо. Не причесывалась целыми днями, рвала и пачкала собственные вещи, бросала в комнате огрызки яблок и кожуру апельсинов, чтобы этой аккуратистке стало дурно. Всячески выводила ее из себя, но тогда у меня еще не было против нее идеального оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.